

Александр Чашин

ГАГЕНПОППЕН

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

СКАЗКИ ДЛЯ ПОДСОЗНАНИЯ

Александр Чащин
**Гагенпоппен. Сказки
для подсознания**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Чащин А.

Гагенпоппен. Сказки для подсознания / А. Чащин — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-95898-2

Александр Чащин — основатель направления «Русская крафтовая литература», идейный вдохновитель и альфа проекта «Зосима Тилль». Его проза похожа на крепкий алкоголь: от первого глотка перехватывает дыхание, и только когда основательно вштырит, получаешь острый, на грани obscena, драйв. Прочитанное только кажется ядрёным анекдотом. Тебя раздели не для того, чтобы завалить. Ты, как коронованная нечистью Маргарита, принимаешь бал человеческих страстей. Ради чего всё это? Конечно, во имя Мастера. Усталого и до времени постаревшего человека с печальными глазами, который, кажется, умеет любить. В. Травская Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-95898-2

© Чащин А., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

ГАГЕНПОППЕН. СКАЗКИ ДЛЯ ПОДСОЗНАНИЯ	5
Я, Иван Факов...	5
Улица Верности	6
Чёрный хлыщ	8
Уродские сказки	10
Вот мы и выросли	13
Феургия	16
Интернационал	18
У меня Москва снова на пороге...	20
Мюсли в моей голове	21
Олигархи духа	26
Херофоб	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Чащин
Гагенпоппен. Сказки для подсознания
ГАГЕНПОППЕН. СКАЗКИ ДЛЯ ПОДСОЗНАНИЯ

Я, Иван Факов...

Весь в панических атаках,
Сам с собой увязший в драках,
Велкам посмотреть.

Втихаря загнавшись в угол,
Извиваюсь, словно угорь,
Четвертью мне треть.

Полупуст и полуполон,
От своих душевных стонов
Глохну не спеша.

От вегетодистонии
До сосудоастении
Прочь спешит душа

Улица Верности

Атаковать паническую атаку. Да, пожалуй, это и есть основной навык, освоенный мной за долгие предпоследние годы. Знаешь, если честно, то меня преследует навязчивый страх, внезапно меня не станет, и я не успею дописать-опубликовать всё мной когда-либо задуманное. А ведь где-то у родителей на антресолях до сих пор так и хранятся не расшифрованные магнитофонные кассеты с моими ранними песнями, которые так любят в виде флэшбэков кусками навещать мою память. Хотя кто сейчас знает, что это такое – магнитофонные кассеты?

Я всё так же живу по Шопенгауэру и чищу себя под Ницше. Счастливо от того, что, как собака, предпочитаю ничего не знать о своей смерти, для чего намеренно не хожу по врачам. Не потому, что хочу заболеть и умереть, просто не хочу знать, исключаю даже малейшую возможность зримо ограничить свои дни. Хотя да, как сказал один поэт: сердце тук-тук, и время тик-так. Ощущаю это по себе уже на чисто физиологическом уровне, во снах меня с настойчивой периодичностью посещают покойники и покойницы, с которыми я постоянно куда-то еду и даже не только, но под конец наши пути как-то расходятся. Пока что. А посему другого выхода, кроме как потихоньку поспешать, у меня нет. Останов – это смерть. А слов о смерти не знает никто. Впрочем, как и паролей-явок от моих аккаунтов, где кипит мой перфекционизм, и от его пара я понимаю, что где-то уже и исписался. Пора меняться? Но, судя по популярности моих книг, теорию последнего идиота, которому не находится покупателя даже под закрытие книжной ярмарки, собой я оправдал давно и сполна.

Народная мудрость гласит, что человек обычно меняет себя по двум причинам: кто-то входит в его жизнь и кто-то выходит из неё. В общем, во всём виноваты дверь и сопутствующий её повороту на скрипящих от долгого неиспользования петлях сквозняк. Именно он, а не этот мифический кто-то, шаробобящийся туда-сюда, несёт собою ветер перемен. Сквозняк – он же ведь что? Простуда! Особенно, когда человек постоянно сидит за закрытыми дверьми в своей жизни-оранжерее. Ну, и дверь конечно же. Дверь должна закрываться. Отгораживать от внешнего мира есть её главное функциональное предназначение.

«Двери закрываются. Следующая остановка – улица Верности». Из дребезжащего пятьдесят первого трамвая, шедшего в ночи от Финляндского вокзала до Пискарёвки в самом начале далёкого, одна тысяча девятьсот девяносто третьего внезапно зазвучало:

Мы потерялись во снах,
Мы утонули во мгле.
Мы растворились в домах,
Всё дело только в вине.

Мы пьём всю ночь напролёт,
Мы пьём отчасти весь день.
Здесь невозможен уход,
Мы здесь похожи на тень.

О, Питер, город тоски,
Нам находиться здесь в лом.
Нам от тебя не уйти
И не вернуться облом...

Мы заблудились во снах,
Мы потонули во мгле,

Мы затерялись в домах,
Мы топим боль лишь в вине.

О, Питер – город тоски,
О, город вечной тоски.

Странно, я думал, что уже навсегда забыл эту написанную той холодной зимой песню. Да вообще память – довольно странная штука! Панковская. Моргенмуффельная. Впрочем, кто из нас без греха? Кто без окон, без дверей, полна жопа огурцов?

Из нас двоих, ехавших в том «противнике», в живых остался только я один. Тогда мы проехали свою остановку и пешком дошли до Богословского. Зашли на могилу к Цою. Горшка тогда туда ещё не положили, хотя тогда мы ещё и не знали, кто такой Горшок. Да и сейчас я смутно это представляю. Летов ещё только начинал своё движение в национал-большевизм, а мы уже направлялись в сторону Москвы. Уже не помню на чьей кухне, приютившей нас по пути на вокзал, я впервые пел эту написанную в трамвае по дороге в Пискарёвку песню. Все вокруг снисходительно улыбались, а ты подпевал. Даже несмотря на своё вечно хромящее чувство ритма. Больше я её почти и не исполнял... Потом плацкарт в одном вагоне с каким-то оркестром, выменянные на остатки взятой в дорогу палёной, как оказалось, водки сигареты...

– Сплю, простите, судáрь, да и мне не мешайте!..
Убирайтесь, прошу Вас! Захлопните дверь!
Ладно, стойте пока, только кофе подайте...
Но в любовь я не верю... – На сегодня поверь!..

Первым атаковать паническую атаку. Купировать купаж. Присниться сонному параличу. И деградация начинает деградировать. Спи спокойно, старина! Путь свободен, впереди ни одного охранника. Твой рок-н-ролл в моих венах. Деградация деградировала, деградировала и выдеградировала.

Чёрный хлыщ

Говорят, злой я. И пошлый. И глупый. И глупостями занимаюсь. И никому не верю. Да, я – важный телефонный звонок в самый разгар нерукопрятственного секса! Я – чёрный хлыщ! У каждого поколения свои кумиры. Но что способны сделать вы, не отрывая жопы от дивана?

Если попытаетесь обратить меня в свою веру, с большей долей вероятности вы предпочитаете миссионерскую позицию. Скажете: «Лучше маленькими шажочками идти на вершину, чем со скоростью в бездну»? «В бездну не идут, в бездну падают. Тут уже шажочки не в счёт – сколько ногами не семени, не взлетишь», – срезонирую в ответ я. «Для летать нужны крылья», – попробуете найтись вы. «Зачем крылья, самолёт вполне сойдёт», – оборву полз вашей мысли я и немедленно направляюсь в аэропорт. Лететь куда глядят глаза, лишь бы вас они больше не видели.

Хотя и меньше тоже. О, эта внутренняя свобода! То «чего на белом свете и вообще не может быть». И дело здесь совсем не в социальном образе жизни. Общественное сознание – оно на то и общественное, что на туалет или транспорт похоже. Всякая взаимная привязанность начинается с потрясающей иллюзии, что вы одинаково думаете обо всем на свете, и заканчивается бегом трусцой за уходящим автобусом. Никогда не буду бежать за человеком, помахавшим мне рукой. Нет, не из-за того, что корона упадет, хотя это тоже неприятно. Автобус в соответствии с расписанием подойдет следующий, новые общественного назначения люди аналогично. Просто я не люблю бегать. Да и к персональному авто, как породистый кот к лотку, жизнью приучен. Есть люди-камни, тянущие меня вниз, а есть и человеки-крылья, дающие мне чувство полёта. И если с че-каменьями всё понятно, то лю-крыльев достаточно просто перепутать с пассажир-говном, ибо и те и другие не тонут и поначалу увлекают вверх. Но одни на поверхность, другие к небесам. И если я вдруг понимаю, что уже надолго задержался на водной глади, фибрами души дефибриллирую, в любой момент может вдруг откуда ни возьмись прямо ввысь появиться кто-то, кто нажмёт кнопку смыва. Поэтому предпочитаю смываться сам.

Большинство из вас считают меня извращенцем, в то время как вы сами испытываете болезненную потребность приблизиться к тому, что может вас унижить или даже уничтожить. Иначе чем объяснить эту непреодолимую тягу к чтению того, что ЗА ВАС говорю ВАМ в глаза Я, то, что вы сами о себе только молча думаете? На самом деле нужно всегда иметь в арсенале клей, ластик и карандаш. Чтобы склеивать себя, стирать напрочь прошлое и рисовать, рисовать картину будущего. А потом понимать, что рисунки рисунками, но разбитую чашку не склеишь, а склеишь – грога из неё не попьёшь. Человек, не имеющий прошлого, живёт одним настоящим и не имеет будущего. А ластик? Ластик существует лишь для того, чтобы в начальной школе на них менять свою совесть. Как можно быть свободным от самого себя? Ну, если только заместиться страхами и комплексами. Но это уже к психологу или к психиатру.

Кстати, о самочувствии. Разрываясь между умными и красивыми, хочется всё-таки прилечь к здоровым. С недавнего времени заставляю себя делать зарядку. Делай раз: открываю глаза, а они закрываются, открываю – закрываются, открываю – закрываются. Делай два: ушёл в себя, вышел из себя, пришёл в себя. Всё, «делай три» не будет, никуда больше сегодня не пойду. Нагулялся. Меньше тоже. До тех пор, пока злобу дня не сменит радость ночи.

Мужика выбирает женщина, а женщину – мужчина. Главное, чтобы внезапно не появилась баба и не оставила бы всех без выбора. Хотя если верить статистике, баба неминуема. Со стреногой для коня и дверью от горящей избы.

– Сделай же что-нибудь! Будь мужчиной!

– Расскажи же как! Будь женщиной!

А как по утрам развлекаетесь вы?

Уродские сказки

– После десяти лет брака мы с женой настолько прониклись друг другом, что даже думать стали одинаково!

– Интересно, это она начала думать о бабах или ты о мужиках?

Субботнее утро как любимая женщина. От него невозможно убежать, его можно только тупо просрать. Или проспаться. В любом случае, проэ-э-э... бать. В пятницу. Это раньше я думал: если что-то и сведёт меня с ума, то это будут женщины. Когда вы ищите начало, в первую голову глядите в накануне. Теперь я точно знаю: с этой задачей успешно справлюсь и сам. Ведь если прямо сейчас мне взять, забить на всё и отъехать кукухой, то можно будет ещё успеть прожить недолгую, но счастливую жизнь, ибо за все желания приходится расплачиваться их исполнением. За нежелания тоже...

– Дорогая, я так устал, промёрз, плохо себя чувствую. Боюсь, что сегодня я больше ни на что уже не способен...

– Покажи лизык!

– Может быть, язык?

– Нет, но давай договоримся: ты не пытаешься съесть меня, я не пытаюсь съесть тебя.

– Спасибо, что не яблососину. По рукам.

Женщины могут всё, но в большинстве своём просто стесняются. Девочки постоянно завидуют мальчикам, ибо тяжело всю жизнь делать вид, что не хочется трахаться на первом свидании. Девушки делятся на тех, кто качает бедрами, и кто качает права. Первые определенно выигрывают, но Боже, есть ли смысл сокрушаться, что в жизни всё через задницу, если по Библии мы произошли от Адама и Евы, у которых было три сына? Сильная женщина, как козырная дама в колоде жизни, независимо от статуса и положения бьет даже туза. Но никогда не стоит забывать, что козыри, по воле тасовки, в начале кона назначает сдающий, а любая дама сама по себе – всего-навсего три очка. С королем – семь, с валетом – пять. С тузом либо четыре, либо четырнадцать. С другой дамой – шесть, как повезёт. Ведь в жизни, ровно в картах, всё зависит от расклада и правил игры. И джокера. А крупье? Крупье не нужен!

– Для большинства удовлетворение низших биологических потребностей – это единственная и конечная цель жизни. А у тебя какие потребности?

– Сделать этот мир лучше...

– Ну, тогда исполни мне куни. Если справишься мазово, значит и мир станет ближе к совершенству! В общем, делай хорошо – и будет хорошо. Два в парадный, один в шоколадный, от перемены мест слагаемых оргазм только приближается...

Конечно, у близорукого гинеколога всегда мокрый нос, но читаю классика современной речетативной поэзии: «Любые отношения делятся на четырнадцать не статичных во времени периода: конфетно-букетный, кобельково-ответный, орально-глотательный, носорожеко-сверчковый, ротешно-жопешный, игрушко-интимный, ролеигровой-БДСМный, устало-анальный, котлетно-первертный, устало-первертный, эго-мастурбационный, алко-ментальный, буддийско-эзотерический и период саморефлексии».

Интересно, где в этой системе координат потерялись мы, если вместо слов: «Доброе утро» наступает пора говорить: «Желаю тебе дня, который ты заслуживаешь»? И пусть карма сама разбирается со всем этим дерьмом, ибо духовный рост больше похож на болезненное сползание

с пьедестала собственных иллюзий. Ведь чем реальность отличается от фантазии? Тем, что мечты сбываются, но в итоге все оказывается не так, как ты себе это представляешь.

Запретные плоды разлетаются, как горячие пирожки. Время сейчас такое. Доброе. Идеи толкают к разговорам. Разговоры – к действию. Действие, в свою очередь, порождает чувство. Чувство похоти, а ценности, как отпечатки пальцев, у каждого свои. Ты даже не догадываешься, что кому-то служишь. Как минимум, причиной для мастурбации. Как зовут твою причину – остаётся только догадываться. В первую голову, причине. Во вторую – твоей голове, в которую ты готов взять всё. Отовсюду. У всех подряд, и в особенности у таких же страдальцев, как ты сам. И пускай при следующей случайной встрече в неслучайном месте они вновь сделают вид, что с тобой незнакомы, не торопись выгонять из себя беса. Возможно, это единственное настоящее, что у тебя есть. Ведь она так неприлична, что аж приятно посмотреть.

- Рот закрой, я всё сказал!
- А я не всю обиду проглотила!
- Любое из состояний – мысль. Не нравится состояние? Поменяй мысль.
- Спасибо! Помог с обменом: «Мужик не пёс, на кости не бросается».
- «Собаки нас любят, потому что у нас внутри кости»?
- Спасибо! Пойду запишусь на фитнес.

В групповом сексе не важно, из какой ты группы, даже если ты – самовыдвиженец. Никогда не появится третий, если кто-то действительно счастлив вдвоём. Но испортить можно всё. Особенно сейчас. Один видит в луже муть, другой – отражающиеся в ней звёзды, но мало кто обращает внимание на своё отражение. Поиски души – штука... многосторонняя. По крайней мере, ею можно объяснить иерархию от «невменяшек» через «невротиков» к «безналичникам». Ведь в то время, как кто-то делает лучше этот мир, кто-то должен его и олицетворять. Вангую, многие мужики так и не дождались, пока их плевков шмякнется: посыл высыхает в полёте, пока безбелковая диета порождает дилемму «сплёвывать или глотать».

Перед решительным делом мужчина думает, как ему говорить, женщина – как ей одеться. Этап под названием «Милый, купи мне шубу!» в своих отношениях проходят все. Тотемное значение «мохнатки» отменить не в силах ни одна эволюция. Шуба из куницы – это, конечно же, кунья шуба. Но мне настойчиво кажется, что «кунья шуба» предполагает нечто иное. Ведь безналичный расчёт – это, в том числе, и «только не на лицо!»

Путать любовь с похотью и опьянение с голосом разума дорого. На самом деле легче уговорить ни на что не согласных, чем отговорить согласных на всё. Самые умные люди – которые счастливы. Они всё делают правильно, но жить тогда выгоднее с барыгой, а за неё же надо бороться. Причём с ней же. Мои шутки тоже когда-то были смешнее, пока я был не её. Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пока вам не заплатят аванс. С ней такая же фигня, но список больше.

- Дорогой, ты кого больше хочешь, мальчика или девочку?
- Мальчика...
- Я тоже.
- Но ты же говорила, что любишь мягкие игрушки!
- Хватит пререкаться, звони давай!

Вот и ноябрь наступил. Дело потихоньку идёт к весне. Чертовски обидно, когда ты злопамятный, но одновременно добрый и быстро отходчивый. Зло помнишь, а отомстить уже не в состоянии. Что-то я не совсем уверен в том, что мне нужны те самые люди, которые ко мне

потянутся, если я стану проще. Знаете, почему никто не пишет комменты к мужикам, как к фильмам, типа «мне понравился, рекомендую» или «сначала вроде интересно, потом чуть не уснула»? Потому что у честности только один недостаток: она уродует сказки, а жизнь от пресыщения тем временем просто передёргивает ствол. В воскресенье.

Вот мы и выросли

Мы выросли. На треть вымерли от «золотых уколов» и «синьки», но мы здесь.

Мы жгли, нас давили. Нам мерили фунт,
Но мы всё ещё тут. Да, мы всё ещё тут.
Пока ангелы в горны не протрубили,
Отвечаю: "Всё гуд!". Мы горланим: "Всё гуд!"

Поколение гнилых сердец и пьяных душ. У кого телефон новее, у кого член больше, кого трахают лучше, кто трахается, как бог, чей любовник богаче. В любовника в конце концов всё и упирается. Чья тачка навороченнее, чья квартира центровее, чья шуба писцовей. Жизнь как обоссанный лифт, в котором противно ездить, хотя ты сам же в нём и нассал. Всё доказываем окружающим что-то о собственной независимости, значимости, важности, с серьезным видом объясняя прелести высокой зарплаты в офисе. Пальцем у виска крутим, если утверждают обратное.

- Может, поговорим, обсудим наши с тобой отношения?
- Ща, погоди...
- Ну и?..
- Всё, я бухой, начинай...

Нас с детства учили, что слушать собственный голос – это шизофрения, а слушать учителя, который слушал препода, который слушал доцента, который слушал декана, который слушал ректора, который слушал профессора, который слушал академика, который читал умные книжки, которые написали умные дяди, которые слушали других умных дядь и читали другие умные книжки, написанные «шизофрениками», услышавшими свой собственный голос – это нормально. Это истина. Мы зашли с конца этой цепочки. Мы – автодидакты.

Мы выросли. И забыли, как быть счастливее. Без зависти. Не облизываясь в клубах, где все кидают понты и швыряются лаве. Не там, где за человека всё решают статус и бренд одежды на светских мероприятиях. Сгнили. Души сгнили. В одиночестве по жизни, но с бабками в кармане.

Что из меня получилось – до сих пор не знаю. Говорят, со мной легко и просто, когда я далеко и на фотографии. Судя по всему, из меня мог бы выйти неплохой ветеринар. Я могу внимательно и в чем-то даже участливо выслушать любую скотину. В последнее время я всё чаще думаю об этом, видимо, мой первый брак тому подтверждением. Оказалось, что нет. Это так не работает. Фамилию в браке взять можно. Призвание – нет. Хотя...

- Сейчас я быстренько научу тебя готовить одно вкусное блюдо. Берём бутылку вина...
- Ну, взяла, и что дальше?
- Всё. Пей.

Вторая и третья жёны были секретаршами. «Секретутками», – брезгливо поправит меня кто-то вычурно моральный. Завидуете – завидуйте молча, отвечу я ему. От них впитал тоже сполна. Двойной секспрессо, так сказать. Один сын. Спасибо...

Нет, я не один. Когда говорят: «Красота спасёт мир», я вспоминаю, что она вечно не выпавшаяся, кроме кофе по утрам ничем не завтракающая, и вообще не могу я всё вот так и сразу. Потом думаю о дочери. Моя четвёртая жена – бухгалтер. Именно ей удалось свести

мои разнузданные дебит с кредитом, выйдя в итоге на положительной сальдо и даже какую-никакую, но маржу. Спасибо...

Смысл любых отношений – вырастить из очередного полового партнёра ближайшего идейного соратника. Не достигнув желаемого, мы делаем вид, что желали достигнутого, и сводим присущий нам экзистенциализм к одному неразрешимому вопросу: является ли эрекция признаком личностного роста. Стараемся не вступать в дискуссии с некрасивыми нам людьми, которым в случае мордобоя и терять по большому счету нечего. На себя мы уже насмотрелись. Противно.

- Привет, хочу зайти к тебе сегодня вечером на ужин. Что купить?
- Ты вообще нормальный? Мы с тобой уже год, как в разводе! Никто не даёт что ли?
- Давать-то дают, а вот пожрать нормально негде...
- Сочувствую.
- Ну так можно приехать, или ты занята?

– Я тебе сейчас расскажу, как всё будет. Ты приедешь, привезёшь бутылку хорошего коньяка, большую плитку горького шоколада. Я на скорую руку приготовлю мяса с картошкой. Мы вы пьем по рюмке. Потом ещё по одной. Потом ляжем в постель. После выйдем на кухню перекурить, выпьем ещё по рюмке и вернёмся к сексу. Потом ты уедешь. На следующий день всё повторится. Потом я сама начну звать тебя на ужин, и ты начнёшь оставаться на ночь. Снова начнётся бытовуха. Мы вновь начнем скандалить. Потом ты начнёшь ужинать у кого-то ещё. У меня вновь начнётся депрессия... Давай ты поешь у кого-то другого, ладно?

- Офигеть! Ладно, поем где-нибудь в кафешке. Приятного аппетита и пока...
- Слушай своё сердце, и оно укажет тебе твой путь.
- Херню же какую-то опять укажет!
- Херня и есть твой путь...

Да, пить – вредно, курить – противно, а уходить на тот свет здоровым жалко. Жить вообще смертельно опасно для здоровья, ибо от этого умирают. Иногда так хочется залезть себе в голову и как дать люлей всем своим тараканам! Фразу: «Надежда умирает последней» я всегда представлял исключительно в жанре «экшн»: ходит она, Наденька, чумазая, в бронежилете, в руках – помповое ружье, кругом – руины, останки замученных чувств, поваленные мечты, пепелище. И бормочет себе под нос:

- Пипец... Хотелось бы уже, конечно... Но вынуждают, сволочи, вынуждают...

Жить. «Поколению 1970–1976 годов рождения, такому многообещающему и такому перспективному. Чей старт был столь ярок и чья жизнь была столь бездарно растрочена. Да упокоятся с миром наши мечты о счастливом будущем, где все должно было быть иначе... R.I.P.», – когда-то написал один мой талантливый современник. Сцуко, но как же он был прав. Чем старше и мудрее человек, тем меньше ему хочется выяснять отношения. Хочется просто встать, пожелать всего хорошего и уйти.

- Дорогая, вынеси мусор!
- Дорогой, ты – невыносим!
- Ты любить себя хоть когда-нибудь пробовала?
- Пробовала, пальцы устают.

Надо жить. Всё, что нас не убивает – даёт нам болезненное чувство юмора и нездоровые методы адаптации. Я решил путешествовать по миру, пока не истрачу на это все свои сбережения. По моим подсчетам, дома буду в девятнадцать тридцать. Самых пунктуальных в мире людей кремируют и их прахом наполняют песочные часы. Как бы не опоздать. В том числе,

и к тому моменту, когда на моих книгах начнут писать: «Осторожно! Книжный продукт. Не содержит здравого смысла». И действительно, о какой нормальности может идти речь, если мы с вами даже слово «отослала» с первого раза правильно прочитать не можем.

– Девушка, вы одна тут скучаете?

– Да...

– Я тогда стульчик у Вас заберу...

Заводы рабочим, трибуны фанатам,

Объятия мамам, хардкор – нам.

Тут каждый свободен, но шелкает счётчик.

И рвётся меж ребер хардкор – вам.

Вот мы и выросли.

Феургия

В каждом мужчине живёт добрый фей. Хотите доказать обратное, но нет в голове нужного решения? Феячьте, ищите глубже. Даже путь к сердцу, как говорят, через желудок лежит. А вы – решение! Да ещё и в голове! Тем более нужное! Не всё, далеко не всё, что лезет в голову – мысли. Это вам любая женщина подтвердит. Решение – это вам не в живого человека конечностями тыкать. Ведь всё в этой жизни конечно. Кстати, вы в простате смотрели? Тоже, говорят, с виду на сердце похожа. И путь к ней тоже через ЖКТ проходит. В направлении поисков же вас никто не ограничивает? Вот то-то же. Главное – бороться и искать, главное – найти и перепрятать. Ведь на корейской кухне гавкать не принято. Кстати, в корейке пальпировали? Тоже нет? Может быть, стоит просто сменить партнёра, и ты снова и умён, и красив и вообще настоящий мужчина в самом рассвете? И дело совсем не в том, делаешь ты куни или нет? Главное, что ты – человек хороший, а хороший человек, конечно, делает? Карлсон – тем более.

Все мы время от времени жалеем, что по утрам берём в рот только зубную щётку. С возрастом всё чаще с утра хочется чего-то покрепче. На кадык. Коньяка, к примеру. Ведь душа до сих пор требует «дас ист фантастиш», а в обозримой перспективе стыло маячит только «арбайтен унд дициплинен». А после утреннего коньяка неотвратимо хочется шахмат. Шахматисты вообще идеальны. Они часами могут молчать, хорошо следят за фигурами и знают много интересных позиций. Жаль, что в шахматах ты как свинья в апельсинах. Навыки, как и языки, нужно развивать с детства, а ты «Brother» с английского до сих пор иначе, как «В рот хер» не переводишь, а всё туда же – искать нужное решение. Человек с чувством юмора видит в шутке долю шутки, а человек чувством юмора обделённый – унижение, оскорбление, пошлость и иной негатив.

Человека, обладающего огромной дурной энергией, остановить невозможно.

– Я тебе кофе сделала!

– Спасибо... А ротиком поработать не хочешь?

– Хи-хи...

– Не хи-хи, а неужели сложно запомнить, три ложки кофе, два кубика сахара, половина кипятка на половину холодной! Губками работай, дуй давай!

– Дорогой, ты сегодня такой весёлый, словно думаешь, я забыла все твои косяки за недавние десять лет...

Но!.. Отработала, остудила, заснул только под утро. Почти сразу приснился сон.

Я прибыл по своему конечному пункту назначения. К воротам. Встал в очередь, пошёл осмотреться. Разговорился с апостолом Петром. Беседу прервал ни о чём душераздирающий крик.

– Что случилось?

– О, не беспокойтесь! Это просто новоприбывшему вырезают отверстие в голове для нимба.

Напрягся. Через пару минут вновь леденящий душу вопль.

– А это что?

– О, не беспокойтесь! Это новоприбывшему вырезают отверстие в спине для крыльев.

Напрягся ещё больше. Начал медленно-медленно пятиться. Петр заметил, настала его очередь уходить в напряг:

– Вы куда?

– Да я уж лучше вниз пойду, в ад.

– Вы что! Вас же там будут содомизировать и насиловать!

– Ничего, для этого у меня, по крайней мере, отверстия уже есть...

Проснулся невыспавшимся, но с песней «зашнурованного лениградца» на устах. «А мне всё похер, я сделан из мяса. Самое страшное, что может случиться – стану педерастом...» – горланил в моей низкотемпературящей башке хриплый нетрезвый голос под оркестрованный скаккомпанемент. Впотьмах зашел на кухню. Покурил, заново выпил кофе. Задумался. Морок потихоньку развеивался. Сквозь него постепенно проступало нечто такое... феургическое.

На тему того, что, если откинуть условности, любой филолог знает минимум тридцать один синоним к слову херня. Сантехник – четыреста семьдесят две детали с таким же названием. Лучшей встречи двух одиночеств не придумаешь. Самая сильная мышца человеческого тела – язык. Самая большая – жопа. Когда самая сильная находит приключения на самую большую... это знаково!

Все мы – и мужчины, и женщины – мечтаем. Мечтаем о волшебной любви. Не так, что постоянно, но так, чтобы иногда. Чтобы встретились, заискрили, вспыхнули, распалились, заземлились, и на утро партнёр рассеялся. Как туман без следа исчез. Вместе с мороком. Как будто его никогда и не было. Чтобы никаких тебе проблем, а лишь воспоминания. Волшебные. А сказки бывают русские народные, а бывают и Ганса Христиана Андерсена.

Ведь по утрам просыпаются все. Одни – чтобы начать великие дела, другие – мелкие, третьи – вообще ничего не начинать. Но все начинаем с туалета.

Однажды став писателем, ты обрекаешь себя быть им всегда. Неважно, куда ты движешься и что делаешь. Ты уже никогда реально не сможешь спрыгнуть с этой темы. По хорошему ты относишь себя к хорошим людям, но они почему-то по-любому приносят тебя обратно. Это сродни мафии – ты уже узнал слишком много.

Веяние времени у нас такое, тренд – и без того убогое клиповое мышление в нас тихой сапой сменило мышление мемовое. Ты ей вместо тысячи слов картинку с букетом, она тебе в ответ вместо загадочной улыбки двусмысленный анекдот с подтекстом. Когда со временем поотомрёт и это, взамен окончательно пришествует «мышление эмодзи», писатели вымрут как класс, а для того чтобы мечты сбывались, рядом должен быть молчаливый волшебник, а не болтливый сказочник.

Когда пишешь – болтать не получается, а самые добрые сказки – это порнофильмы. Никаких тебе взрывов, убийств, все друг друга любят, целуют куда попало и во что попадут... И всегда счастливый конец. Посему затыкаюсь. Женщина должна быть небом в облаках, Незнайкой на Луне, Комсомольском на Амуре, Лениным в Разливе, котом в мешке, банданой в огурцы, Ростовом на Дону и сегодня в хламिंगо.

- Не скажешь, который час?
- Который час.
- Спасибо.

Если полёт кукухи неизбежен, то постарайтесь её хотя бы по интересному вектору направить. Наслаждайтесь моментом. Моментом уходящего спозаранку волшебства.

Интернационал

(НЯМ-НЯМ, БУЛЬ-БУЛЬ и ТЫК-ТЫК)

Не понимаю, как можно не любить социальные сети? С их появлением люди начали думать, что их жизнь кому-то интересна, а они сами кому-то нужны. Социальные сети дают нам прекрасную возможность обменяться заблуждениями, поделиться фобиями, отдохнуть от здравого смысла и отбросить приличия. К примеру, если у женщины на персональной странице нет ни одной фотографии с мужчиной, значит их у неё несколько. Именно здесь можно высказать свое мнение, которое никто не спрашивает – и тебе легче, и всем остальным похрен. Человек, у которого нет аккаунта в социальных сетях, вызывает в нас сначала удивление, а потом – жалость. В конце концов – зависть. Ведь в наше время, чтобы встретиться с кем-то, недостаточно выйти из дома, нужно ещё умудриться выйти из интернета. Вот в чем беда. Даже со своей женой.

– Дорогая, – очередным безликим вечером второй волны содомии я решительно отложил в сторону смартфон. – Давеча я посмотрел твои посты в социальной сети и подумал, неужели тебе больше при живом муже заняться дома нечем?

– Да у вас, у мужчин, только два инстинкта: ням-ням и тык-тык! – отрываясь от написания очередного фемдомного поста в прогрессивную женскую группу, пробурчала в ответ жена, но телефон на всякий случай тоже убрала с глаз моих подальше.

– Позвольте, а как же буль-буль?

– Буль-буль – это рефлекс. Так что обойдёмся без него.

– Если рефлекс, то приобретённый от младенческого цемк-цемк. Поэтому возражаю, ням-ням без буль-буль – моветон!

– А буль-буль без тык-тык, что? Комильфо что ли?

– А вот это – уже сопутствующее.

– Сопутствующим может быть собачий корм в продуктовом магазине или минералка в винном. На край облысение вследствие приёма таблеток от импотенции. Тык-тык же в случае буль-буль – это вишенка на тортике. Правда не все до этого момента дотягивают. Так что не плоды мне котов. Каждый раз, когда женщина отказывает заслуживающему того мужчине в сексе, где-то рождается котенок, который будет жить у неё после сорока лет. У нас с тобой и так уже четыре кошки, поэтому буль-буль не нужен!

Халатность всё-таки не такое уж и плохое женское качество, если под халатом ничего нет. Но интересно, почему иногда так сильно хочется секса, что потом рррраз... и как рукой сняло?

– Знаешь, что-то сердечко у меня тук-тук, да и время уже тик-так. Тык-тык на ням-ням – большой риск хрр-прр...

– Как будто буль-буль не хрр-прр!

– Тоже верно, готовь ням-ням, я мигом за буль-буль. Ты меня цемк-цемк, мы с тобой хрр-прр, а с утра уже тык-тык.

– Если дзинь-дзинь не проспим...

– О'кей. Поставлю на будильник музыку для секса, чтобы заглушить хруст суставов.

– Минуты на три, больше не нужно!

– Вот, точно! Управимся! Погнали!

И вот уж полночь близится, а сытости всё нет. Во времена моей молодости тоже были социальные сети. Содомии не было, а стены в подъездах были. Пишешь «в режиме инкогнито» перманентным маркером чье-нибудь имя, а через день вот тебе и статусы, там тебе и комментарии. От таких же, как ты «невидимок». Но ни о чём нельзя жалеть в этой жизни. Случилось

– сделали и живите дальше. А если не случилось? Так, может, вам не того и надо? Полной ясности здесь не будет никогда. Учитесь действовать в режиме частичной неопределенности.

– Дорогая, сделай мне омлет.

– Послушай, может быть тебе ещё и тлен отсосать?!

Человека, который читает много книг, принято называть книжным червём. Того, кто большую часть времени тратит на листание ленты соцсетей, нужно диагностировать червём ленточным. По аналогии. Нет в этом мире ничего, что нельзя было бы простить друг другу. Времени нам и без того отведено слишком мало, глупо тратить его на обиды, которые кроме разочарований в самих себе ничего в нас привнести не в состоянии. Жизнь даёт нам поводы для шуток, а мы делаем из них причины для страданий. Зачем? Соцсети учат нас, что котиков нужно холить и лелеять, чтобы у них была холка и лелейка... С мужиками примерно та же история. Относитесь к социальным сетям проще – все мы в них просто страницы.

В детстве нас частенько заставляли исполнять «Интернационал». «Факов, выйди и зайди как следует!» Самые умные заранее переворачивали тетради, но иногда пели и по таблице умножения. «...Добьёмся мы освобождения своею собственной рукой». Только сейчас я понимаю, о чём это. В каждой женщине живёт своя маленькая училка. Холодильник медленно, но верно набирает «лайки»...

У меня Москва снова на пороге...

У меня Москва снова на пороге,
Шею не подмять, не раздвинув ноги.
Загущаю щи, измельчаю жемчуг,
Вешаю лапшу, золотник всё меньше.

В кашу масло лью, порчу каслом Машу,
Чаю, что вничью, квашу простоквашу.
Дёготь ложкой ем, режу мёд устами,
Молча щекочу сам себя усами.

Чую словно чуй, сыплю соль на раны,
Заявляюсь в хлам в гости без охраны.
Завожу в тупик, разгущаю краски,
Сказки предаю смазке без огласки.

Тешу плоть борщом, наедаюсь сексом,
Познаю в беде, чествую подтекстом.
Дорог золотник, да длиннее ноги.
У меня Москва снова на пороге.

Мюсли в моей голове

«На пьяной вечеринке в кругу наших друзей я понял что хочу её ещё сильнее...», – хрипло надрывался вокзальный ретранслятор, стандартно для подобных мест гнавший жвачную волну дискотеки девяностых. «Дежавю, сплошное дежавю», – я вышел на перрон Финляндского вокзала Санкт-Петербурга и закурил первую за четыре с хвостиком часа пути из карельской Сортавалы сигарету. «В поездах курить запретили, пиво на перронах больше не продают, а жизненный фон всё тот же. Куда ни глянь, везде, из всех утюгов сплошь «герои вчерашних дней». Такое впечатление, что нас намеренно заставляют жить в этом коллективном агрегированном прошлом. День сурка, двадцать пятое декабря одна тысяча девятьсот девяностого первого года, версия десять тысяч девятьсот пятьдесят восемь».

В ночном питерском воздухе разливалась ночь с двадцать пятого на двадцать шестое декабря две тысячи двадцать первого года. «Годовщина, мать её», – я сплюнул себе под ноги, накинул ляжку рюкзака на плечо и побрел в направлении вокзального комплекса. Рейс в Казань, куда мы с семьей перебрались, почитай, уже скоро год как, вылетал из Пулково только завтрашним утром, и мне предстояло решить нелёгкую для себя задачу, как скоротать эту зимнюю ночь, ознаменовавшую себя тридцатилетием подписания документов, поставивших жирную точку на существовании страны моего рождения – Союза Советских Социалистических Республик. «Юэсэса, Ай'м бэк инту зе Юэсэса», – словно в тон моим размышлениям сменил трек невидимый диджей глобальной радиостанции всемирного министерства путей и сообщений. «Зе бест оф Итало диско, выпуск номер семь», – про себя отметил я, и в душе радуясь, что мой Альцгеймер ещё достаточно юн, вышел на привокзальную площадь. Ох, уж эти мюсли в моей голове.

Двухнедельная командировка в город памятника рунопевцу основательно истошила мой и без того достаточно скудный бюджет, поэтому вариант с гостиницей был отмечён мной сразу же. Единственное, на что исходя из состояния своего портмоне, я мог рассчитывать – это либо жёсткое кресло зала ночного пребывания Финляндского вокзала, либо аналогичные условия в воздушной гавани Северной столицы. Но туда необходимо было ещё добраться, к тому же максимумом, на который я мог рассчитывать в залах ожидания, была беспокойная ночь в постоянном надзоре за своим багажом. Воришек и остальной шушеры развелось за время карантина немеряно.

Единственной тешившей меня надеждой скоротать ночь более или менее сносно была мысль снять койко-место у кого-нибудь из хозяев съемной недвижимости. Бывая в Ленинграде-Петербурге на заре своей молодости, я неоднократно прибегал к услугам подобных дельцов. «Чёрт с ними с деньгами на такси в аэропорт, доберусь и общественным транспортом. Да и завтрак обыкновенно в стоимость входит», – размышлял я, меряя шагами вечерний полумрак площади Ленина в поисках одиноких фигур с табличками на шее, и через каких-то пару минут поисков подобная тусовка нашла меня сама. «Молодой человек, комнатку снять не желаете?», «Спальное место в центре недорого», «Общежитие для иногородних», «Хостел на ночь» и другие подобные заманчивые предложения посыпались на меня, как из рога изобилия. Я быстро, насколько мог, вырвался из хоровода завлекал и начал осматриваться по окрестностям.

Чуть поодаль от организованной группы дилеров одиночного ночного досуга поодиночке пританцовывали на морозце арендодатели-индивидуалы. Прямо у входа в метро обращала на себя внимание обвешанная, как новогодняя елка серпантинном, нитками с сушеными грибочками бабулька с объявлением о сдаче койко-места, написанным маркером на картонке, украшавшей её шею. «Саша, подожди... Саша, подожди... Юра, подожди... Юра, подожди... Миша, подожди... Миша, подожди... Ваня, подожди... Ваня, подожди... Дима, подожди...

Дима, подожди...» и далее по тексту. Тихонечко так. Вполголоса. Проходящие мимо мужички, услышав, что к ним обращаются, но не понимая кто, откуда и зачем, в недоумении останавливались и начинали крутить головами, на что сразу же получали резонный вопрос: «Милок, койко-место на ночь не интересует? Грибочков домой прикупить не забыл?» «А что, интересное кино, – подумал я. Хотя грибы я от рождения не ем, но мысль о тарелке горячего грибного супа в этот вечер согрела меня почище иных ста граммов водки. – Если ничего другого не найду, вернусь».

Но с альтернативами в тот вечер было туго. Стремного вида мужичков алкоголизованной наружности и соответствовавших им дам неопределенного возраста, коих с табличками о жилье было в явном избытке, я отмёл сразу – в лучшем случае придётся полночи терпеть их пьяный бред, в худшем – ограбят и имени не спросят. По-любому, поспать с ними мне вряд ли удастся, а неприятности в мою программу сегодня явно не входили.

В раздумьях я зачем-то купил бутылку креплёного испанского вина в небольшом при вокзальном супермаркете, хотя до этого не брал в рот спиртного более пяти лет, и решил, не пороть горячку и прогуляться по располагавшемуся неподалёку Симбирскому саду.

Оставив по левую руку здание Жилого дома служащих Финляндской дороги, я направился в сторону Доходного дома Еремеева, но едва я в надежде срезать угол свернул в разделяющую строения подворотню, как моего слуха коснулось чьё-то замерзшее бормотание. Весь обратившись в слух, я насколько мог вперился в темноту арочного проёма.

– «Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве, и хрюкотали зелюки, как мюмзики в мове», – переминаясь с ноги на ногу, декламировала себе под нос нахохлившаяся стройная женщина с табличной «Койко-место на ночь. Недалеко. Недорого. Уютно».

– «О бойся Бармаглота, сын! Он так свирлеп и дик, а в глуше рымит исполин – злопастный Брандашмыг», – вмиг оживил я в памяти познания в Льюисе Кэрролле. – Здравствуйте, видимо, вас я и искал весь этот вечер. Можно я попробую угадать ваше имя?

– Ну... Коли Вам не холодно, да и не лень...

– Алиса?

– Почти. Лариса.

– Очень приятно. Знаете, меня очень заинтересовало Ваше предложение на ночь... Смогу ли я у Вас сегодня как следует отдохнуть?

– Бесспорно...

– Без порно? Тогда у меня есть ещё повод подумать...

– Это радует, ибо хочу предупредить, я не продаю своё тело. Я только сдаю в аренду вторую половину своей двухспальной кровати. Посуточно. Если подходит, то с Вас плата за первый день, страховой взнос и при этом, заметьте, никаких агентских.

– В таком случае извините, если мой вопрос покажется вам некорректным. Сколько вам лет?

– Отчего же? По-разному. Дури в голове на восемнадцать, спина хрустит на пятьдесят пять, ворчу на все восемьдесят, в постели – шестьдесят девять. Мужики мне в последнее время попадают сплошь на полшестого, косячу на двадцать один, а по паспорту сорок два. Только последние два года прошу к моему возрасту не прибавлять, я ими почти не пользовалась, для меня они выдались как четыре сезона: январь, февраль, март и карантин...

– Лариса, хотите херес? – я указал взглядом на так и болтавшуюся у меня в руках бутылку креплёного.

– Что, вот так и сразу? – похоже, мой намёк прошёл мимо её сознания. – Может сначала хотя бы угостите даму вином?

– Конечно! – непочатая бутылка переместилась теперь уже на уровень её глаз. – Заодно и согреемся. Если Вы не побрезгуете из горла, тогда, прошу, пройдёмте в сад.

– А койко-место-то вы брать будете? – внезапно вспомнила изначальную цель нашего с ней знакомства Лариса.

– Если сможем перейти на ты, то всенепременнейше!

– Тогда почему бы и нет? Когда мне тыкают, это как-то привычнее. Привычнее, чем выкают. У меня есть встречное предложение, зачем нам в сад, поехали сразу же ко мне.

– И чем займемся?

– Если всё устроит, рассчитаешься, а потом можем сыграть в карты. На желание.

– В очко или в преферанс?

– Извини, а в преферанс – это куда?

– Ладно, давай тогда первый кон на раздевание.

– Ну, если только первый, то я не против. А то вам лишь бы хиханьки да траханьки...

На том и сговорились. Триста метров до остановки, десять минут ожидания и вот мы уже греемся в вагоне полупустого трамвая.

– Расскажи немного о себе. Сколько занимаюсь этим, но никак не могу привыкнуть, что привожу к себе в дом мужчин, о которых ровным счетом ничего не знаю.

– Ну, как у каждого святого, у меня есть прошлое, как у каждого грешника – будущее, а ещё я тот, кто свято чтит свои грехи и имеет настоящее. Причём как в переносном, так и в самом прямом смысле.

– Это ты про секс?

– Секс – это, когда хочет он, эротика – когда хочет она, порно – когда башню сносит у обоих. Примерно так, хотя я и не Коппенгаген, а скорее наоборот – Гагенпоппен в этих вопросах.

– Ах, ты извращенец! Немедленно убери руку с моей... колени. Считаю до трёх тысяч семисот девяносто двух. Раз...

Повисла неловкая пауза. Я продолжал греть пальцы между её бёдер под полой пальто. А она? Она как бы невзначай тоже опустила свою ладонь поверх фалды, никак не давая мне возможность выполнить её же недавнее указание. Так прошло минут десять.

– Ну вот, пока суть да дело, мы почти и приехали. Наша остановка. Ты выходить собираешься?

– Вроде бы, да...

– Это хорошо, а то надоел уже...

– Проходи, чувствуй себя, как дома, можешь, как говорится, пропылесосить, но это не обязательно... – она открыла дверь своей комнаты в типичной питерской коммуналке. – Тебе, наверное, помыться с дороги не мешало бы? Ванная по коридору прямо, моя дверь четвёртая по правой руке от туалета.

– Знаешь, видимо у меня с годами развился чисто петербургский страх. Пойти в туалет, а потом забыть, в какую из ста дверей мне нужно возвращаться, так что давай попробуем обойтись без душа и сразу под одеяло. Один кон на раздевание?

– Ты думаешь, я без карт у себя дома и раздеться уже не могу? Право слово, удивляешь. Деньги на тумбочке оставь и делай что хочешь. Хозяин – барин. Твоё койко-место со стороны окна, пульт от телевизора под подушкой. Херес откроешь? Я пока карты найду. Про страховой взнос не забудь.

– Я снимаю койко-место всего на одну ночь...

– Это моя гарантия на случай, если вдруг ты получишь больше...

Я открыл бутылку, разделся и лёг.

– Давай... на желание.

Она долго молча рылась в шкафу, потом разделась, подошла к столу, в один глоток опустошила бутылку, отошла к окну и закурила. После, без лишних прелюдий, обнажённой скользнула ко мне под одеяло и оседлала мои ноги чуть повыше колен, руками облокотившись на меня чуть пониже живота.

– Значит так, карты я не нашла, поэтому выиграть ты не смог. А что это значит? Это значит, что выиграла я. Загадываю желание. Я... хочу... твоего внимания! Но не хочу говорить тебе о том, что хочу. Потому что тогда ты уделишь мне внимание, потому что так того хотела я. А я хочу, чтоб ты уделил мне внимание, потому что ты сам того хочешь, понимаешь?

– Чего?

– Тебя сначала поцеловать или сразу сзади пойдёшь? На, воспользуйся...

Она вложила мне в руку тюбик с каким-то кремом. Момент трусливой нерешительности, всего одна ссыкунда и... «не переживай, главное, что они повидались».

– Ты думаешь, что я проститутка? – она вновь стояла нагой на фоне беззвёздной питерской ночи и пускала в форточку сизый табачный дым. – А я, между прочим, до сих пор храню девственность. Просто с возрастом я потихоньку убедилась, с мужиками гораздо интереснее пить вино, чем состоять в отношениях. Но того, что где-то в мире меня ищет кто-то созданный специально для меня, это не исключает. Пускай он и женат, пускай не Казанова. Зато я коза для него буду новая, понимаешь?

– Поэтому ты не имеешь ничего против тех, кто ни мясо, ни рыба.

– Ну что ты заикнулся!

– Просто не знаешь, какое вино – красное или белое – к ним подобрать...

– Но ты же со своим! Херес – вино десертное. А я – сладкая. Не я к тебе вино подбирала, а ты ко мне. Улавливаешь? А мужики... Они как снегопад. Никогда не знаешь, когда случится, сколько выпадет сантиметров и сколь долго продержится. Когда сначала ты натягиваешь один носок на левую ногу, второй автоматически становится правым. Когда сначала натягиваешь носок на правую, та же самая ситуация с левым. Причем происходит это моментально и независимо от того, на свободе ли сейчас хозяйство между твоими ногами или ты уже успел надеть труселя. С мужиками та же картина. Единственное, не люблю, тех, кто привык жить за счет женщин. Нельзя сесть на шею, при этом не раздвинув ноги... Нельзя... Мужчина с раздвинутыми ногами – плохой мужчина. А плохой мужчина как плохой носок – либо вонючий, либо с большой дырой. У хороших же, как правило, есть один недостаток: все они какие-то женатые. Испортить меня уже ничего не испортит. Все что могло – уже украсило, а вкусы на мужчин и вино меняются постоянно.

С утра она сама повезла меня в Пулково. Всю дорогу ехали молча, пока не свернули на территорию какой-то заброшенной промзоны.

– Знаешь самое главное, что я поняла? – в ответ на удивленный взгляд предупредила мой вопрос она. – На самом деле все мы очень счастливы, просто счастливы мы в основном бессимптомно... Любить нужно всех. Всех подряд. И когда у Господа Бога дойдут до тебя руки, он обязательно увидит, как ты стараешься и...

– Пошлёт хорошего мужа?

– Мужа не мужа, но того, кому нужно будет и первое, и второе, и третье, а не только койко-место на ночь в моей двуспальной кровати. А теперь будь джентльменом, достань, пожалуйста, из бардачка влажные платочки для снятия макияжа. Не могу же я отпустить тебя из Питера без соответствующих городу дождей воспоминаний?

Я не нашелся, что ответить, лишь отстегнул ремень безопасности, достал из ящика для перчаток упаковку гигиенических салфеток и молча протянул ей.

Через полчаса всё в такой же гнетущей тишине мы продолжили движение, и только когда её праворулька остановилась у здания аэротерминала, я прокашлялся и спросил:

– Не знаешь, как будет утешительная форма наречия «никогда»?

– Ты уже взрослый мальчик, ты должен знать: утешительная форма наречия «никогда» – «потом»... Счастливого полёта, привет супруге, нестойкий оловянный солдатик. Время бесплатной стоянки в Пулково – пятнадцать минут...

Она ударила по газам, а я так и остался стоять среди утренней питерской хмари, нашептывая себе под нос: «Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве, и хрюкотали зелюки, как мюмзики в мове. На пьяной вечеринке в кругу наших друзей я понял, что хочу её ещё сильнее»...

Мюсли в моей голове стремительно удалялись вдаль, вольготно расположившись на использованной салфетке в кармане водительской двери её выдавшей многие виды праворульной женской малолитражки...

Олигархи духа

Что такое бутерброд? Бутерброд – это хлеб. С колбасой, с ветчиной, с икоркой. Белок с углеводами. А нищоброд? Нищоброд – это тоже борьба противоположностей, к примеру хрен с маслом. В марафоне, как говорится, первые сорок два километра – фигня, главное осилить последние сто девяносто пять метров. И умереть, едва переступив финишную черту. Потому что белковая диета изнуряет, причём изнуряет обоюдно, как потребителя, так и поставщика.

«Дайте моему ребёнку новые учебники. Из этих старых все знания кто-то уже получил», – как-то в моём присутствии кричала одна заполошенная «яжежмать» классному руководителю на родительском собрании, приуроченном к началу очередного учебного года. И знаете, в отношении книг я с ней согласен. У хорошей книги, как и у кого-то, предназначенного для тебя свыше, ты должен быть первый. Хоть где-то. К примеру, на страничке «для заметок», предвосхищающей гламурно ламинированный форзац.

Как по мне, чтение книг – это даже не процесс: гигиеническая процедура души, интимный церемониал по расширению потенциала, сродни депиляции зоны бикини или выщипыванию волосков из носа. Он требует соответствующего уединения, всебянаправленного настроения и самокомфортной обстановки... Тёплого кофейника и вазончика пироженок, в конце концов. Выносить своё сугубое напоказ, делать из личного публичное, кричать на всех углах, что прелюдия – значит при людях, для меня сродни (интеллектуальной) проституции – «яд в гомеопатических дозах любви», как писал один сибирский рок-поэт, царствие ему небесное. Занятие вынужденное от «как припрёт» до «как припрёт». Чтобы просто продолжать жить как жить. Потому что когда-то в молодости ты по пьяни попробовал этот пряный дурман-дуриан, и ещё тогда тебе это почему-то не запретило. Потому что «делать так» возможно только вместе с такими же «заполошниками», как ты, а вас так элементарно распознать по направлению взгляда в самый неудобный момент. Потому что теперь по-другому на жизнь уже не встает.

Наверное, поэтому я не только, как все, читаю, но и, как иные, тайком от читающих пишу, а «торговать собой» «как припрёт» хожу в общественные читальни. Знаете, есть такие неприметные отхожие уголки для снятия излишнего интеллектуального напряжения в больших книжных магазинах, коих расплодилось в последнее время повсеместно и достаточно. Достаяю с полки свою ещё пахнущую свежей типографской краской книгу и... В общем, кто ищет, тот найдёт.

Так и в этот раз. Не было б несчастья, а уж счастье накуем.

– Я могу вам чем-то помочь? – вкрадчивым шёпотком, не оставляющим сомнений в намерениях своего обладателя, через четверть часа игры «в приглядки» донеслось со стороны соседнего читательского кресла.

– Нет, я таким родился... – дал понять свою причастность к «ордену заполошников» я и, оторвав взгляд от бережно лелеемого в руках томика, измерил взглядом своего вероятного визави по тайным играм разума на этот вечер.

Заброс был принят. Я демонстративно замаял уголок страницы.

– Послушай, а ты в курсе, что держишь книгу вверх ногами, – заметив это, сразу решил взять «быка за рога» зальсеватый мужчина лет сорока пяти-пятидесяти, как бы исподволь придвигая свое кресло к моему, тем самым давая понять, что с его точки зрения, мы правильно поняли друг друга.

– А вы Фрейд что ли? – я немного осадил его пыл, как бы намекая, что ещё окончательно не принял для себя решения, хочу ли я с ним чего-либо подобного этим вечером и вообще хочу ли...

– Причём здесь Фрейд? – мужичок сделал вид, что немного опешил, и зачем-то продемонстрировал мне золотое обручальное кольцо на безымянном пальца правой руки. Правила игры он знал на «отлично». Видимо, играл отнюдь не в первый раз. Членство в ордене не терпело излишней огласки, а потому посвящённые в мелочах предпочитали соблюдать приличия и были крайне осторожны.

– Это же книга! Какие у неё могут быть ноги? Вы ещё скажите, что я ей между страниц заглядываю! – я впервые за все время изучающим взглядом посмотрел на находившийся в его руках фолиант, оценивая цокнул, удовлетворенно хмыкнул и еле заметным кивком головы дал понять, что вызов принят.

Несмотря на то, что мужчина пришел за мной в читальню след в след, том в его холёных руках был раскрыт уже в районе середины. Я сразу понял, что встретил супермена. Мало того, что на семьдесят процентов Толик, как он позже представился, состоял из знаний, дочитывал он так быстро, что не распознать в нём наличие суперспособностей было нереально. Видимо поэтому оставшиеся тридцать процентов в Толике составляло умение поглощать, но не будем забегать вперёд.

– Вот скажи мне, почему мужчины так любят читать?

– Не знаю, почему они любят так, когда я люблю читать эдак. Извращенцы, наверное...

Оторвав взгляды от своих книг, мы понимающе переглянулись и лишь краешками губ улыгнулись друг другу.

– Давай я куплю твою книгу? – опережая привычный ход игры, он протянул свою ладонь к корешку моего тома.

Я был не то, чтобы не против, скорее даже крайне за, иначе зачем же я сегодня сюда явился?

Натренированным жестом обслонявив пальцы, он аккуратно подхватил издание в моих руках, и глядя поверх границы обложки, начал быстро перелистывать страницы, время от времени оглядываясь по сторонам, чтобы никто не увидел происходившего между нами действия. Не в силах наблюдать за ловкостью его рук, я прикрыл глаза, наслаждаясь шелестом перелистываемых страниц, и когда том подошёл к концу, осторожно захлопнул издание, окончательно передав его в руки Анатолия, чтобы тот мог сполна насладиться результатом

– Ты подожди меня здесь, я быстренько. Только на кассу и вернись. Никуда не уходи!

Минут через пять он вернулся, молча положил передо мной упакованную в пластиковый пакет книгу, и не нарушая заговорщицкой тишины, вновь вернулся в своё кресло. Заново открыв свой том на произвольном месте, он начал делать вид, будто он что-то напряженно ищет промеж его страниц, периодически кидая на меня недвусмысленные взгляды.

Когда моё неожиданное удовольствие от обладания вождленным изданием немного поуспокоилось, я, стараясь не производить излишнего шума, придвинул своё кресло к нему и как бы между прочим шепнул:

– Хочешь, я тоже куплю тебе твою?

Ни секунды не думая, он с радостью передал мне свой фолиант. Мои ладони предательски взопрели, и я замер в некоторой нерешительности.

– Только я давно никому ничего не покупал. Привык к электронным изданиям, потерял навык чтения в живую, так сказать...

– Ничего, я тебе помогу... – Толик осторожно положил свою ладонь поверх моей и не торопясь помог мне перевернуть несколько первых страниц.

Дальше пошло, как по маслу. Бумага в его книге была лошенной, мелованной, плотной, поэтому слюнявить пальцы мне было практически без нужды. Запах, исходивший от этого коллекционного, как оказалось впоследствии, издания, кружил мне голову почище хорошо выдер-

жанного коньяка. Насколько мог я растягивал это редкое для себя удовольствие – листать страницы чужой книги, но всё хорошее рано или поздно имеет привычку заканчиваться. Настал и мой черёд идти на кассу.

– Сдачу оставь кассирше, кажется она в чем-то нас заподозрила, – не открывая полусмеженных от удовольствия глаз, прошептал мне Толик вслед.

– У меня по карте... – на секунду обернувшись, кинул в ответ ему я, но показалось, остался не услышанным.

На кассе прямо передо мной за стопку разномастных изданий пытался рассчитаться казотливого вида парнишка. Из всех сил жалясь на отсутствие денег, он перебирал в кошельке пластиковые карты, искал по карманам мелочь и громко настаивал на скидке постоянного клиента по номеру телефона. Опытному взгляду в нём по всему можно было разглядеть профессионального читателя. Возникшая на пустом месте суматоха привлекла внимание стоявшего чуть поодаль мужчины с рюкзаком. Когда молодой человек, в не иссякающей надежде на халяву, продиктовал очередной телефонный номер, «турист» записал что-то в своем смартфоне, после чего бодро подошел к кассирше и молча положил на блюде перед ней недостающие парню купюры. Инцидент ко всеобщему удовлетворению был исчерпан.

Отстояв таким образом в очереди, минут через десять я вернулся на кресла и положил перед Анатолием его пакет.

– Расходимся по одному. Ты первый... – отметив моё возвращение, процедил сквозь зубы тот и на этом потерял ко мне всяческий интерес.

Вновь и вновь переживая послевкусие от удачно разыгранной партии, я спешно вышел из магазина и, отойдя на позволявшее втайне контролировать выход расстояние, закурил. Толик подошёл ко мне со спины и неожиданно предложил.

– Может, обсудим прочитанное? У меня. Сведем, так сказать, плюсы и минусы? Здесь недалеко.

– Зачем, книги ведь не батарейки?

– Ладно, проехали. Так и запишем, от дальнейшего обсуждения недавно прочитанного отказался. Боже, знал бы, где упаду, периодики подстелил бы!

Не поднимая друг на друга глаз, мы молча разошлись в разные стороны.

Я выкинул окурочек в урну и отправился в сторону автобусной остановки, зная, что более с Толиком мы никогда не увидимся. Цель – распространить тираж – оправдывает любые средства. Речь человека на восемьдесят процентов состоит из воды. Профессия писателя – превращать эту воду в вино. Прозаик должен быть голодным и недотраханым поэт.

Впрочем, а был ли Толик? С одинаковым успехом он мог представиться мне и Васей, и Эдуардом, и Апполинарием. Имя же на обложке – суть понятие условное, в большинстве своем псевдоним на службе литературного героя. Теперь до поры до времени мы оба будем обходить стороной книжные магазины. От «пока не припрёт» до «пока не припрёт». А если даже случайно пересечемся, то сделаем вид, что не знакомы. Таковы правила игры. Потому что «делать так» возможно только вместе с такими же, как ты, «заполошниками», и нас элементарно распознать по направлению взгляда в неудобный момент. Потому что в молодости мы, к своему несчастью, попробовали этот пряный дуриан познания. Потому что по-другому на жизнь у нас со временем перестало вставать. Олигархи духа. Обреченные жить, как жить между редкими визитами в отхожие уголки общественных читален для снятия излишнего интеллектуального напряжения от умения не только читать, но и писать книги.

Херофоб

Знаете ли вы, что такое херофобия? Как по мне, так новая чума двадцать первого века. Как утверждают светочи современной психиатрии, херофобия – одна из форм тревожного расстройства, когда человек испытывает иррациональное беспокойство из-за того, что с ним может случиться что-то хорошее, в особо запущенных случаях даже страдает отворачиванием к грозящему ему счастью, мучается, если оно нечаянно нагрянуло, хотя его совсем, как бы и не ждал.

А что хорошего в этой жизни может взять вот так и случиться со среднестатистическим мужиком на простом бытовом среднестатистическом уровне? Правильно, только выпивка и секс. Или выпивка, плавно перетекающая в секс. На край секс, сопровождаемый плавно перетекающей в его желудок выпивкой. Остальное – исключения, как известно, только подтверждающие правила. «Она записала его в контакты, как "мой МЧ". "Мистер Член", – самодовольно думал про себя он. "Молодой человек", – разводила руками она, ибо привычно любила мужчин постарше». Век живи – век учись!

Вместо преамбулы можно вспомнить двух пассажиров разных паровозов, не связанных друг с другом ничем, кроме... Судите сами.

Первого через полчаса после открытия поймала на попытке кражи охрана супермаркета. Субчик пытался скоммуниздить пару носков (чёрных), трусы-боксеры (одну пару) и фляжку коньяка (двести пятьдесят миллилитров). Будучи пойманным, объяснил содержимое своей минимальной потребительской корзины просто: «Мужики, вы поймите, мне же к бабе надо...». Подвели мужика носки. Слишком дорогие уж оказались. И так как потянуло уворованное на сумму чуть выше порога кражи, пришлось вызывать полицию. Вместо бабы мужик попал на нары. Года на два. Елбан, скажу вам я, это – высокий округлый мыс или холм, а не то, что вы сначала прочитали, хотя точно пепелац...

Судьба второго субъекта ещё печальней. Настолько, что даже газеты в годы оные, когда были ещё при власти, уделили ей примерно одну тридцать вторую полосу. Суть вкратце такова: в подмосковном городке желдорстанция, как это принято, находится в отдалении от самого населенного пункта, но, по сути, является центром местечковой жизнедеятельности – магазинчики, кафешки, лавочки-забегаловочки, пивчанское-водчанское и т.д. Вот там-то наш герой по окончании рабочего дня чуть-чуть и расслабился, развязал, мать его так. В том числе и язык. Завечерело. Поплелся на непослушных домой. К жене, к деткам. Путь вёл через лесок, так уж принято. На его беду, догнала его соседская девчонка что-то в районе шестнадцати... «Ой! Дядя Петя, можно с Вами, а то мне страшно одной...» Слово за слово, то да сё, всплыли «девочкины» проблемы в личной жизни, дядя Петя стал жалеть и поучать, как да куда, так и до цивилизации добрались. А дома у девочки родители. «Ты где была?» да «С кем шлялась?» Ну, дитя и рассказало все в подробностях и про дядю Петю упомянуть не забыла, что, типа, до дома под защитой добралась. Про разговор пошутила... В общем, все довольны, все смеются... А с утра к дяде Пете вместе с похмельем пришёл участковый, «с вещами и на выход»... Папаша девочки заявление накатал про дяди Петин педагогический дар и беседы с подрастающим поколением. Дали горемычному восемь лет то ли за растление малолетних, то ли за развратные действия, которых не было... В общем, здравствуй, зона, новый срок... Даже через четыре года условно-досрочно не выпустили. Пепелац тотальный... «Девушка, можно снять вас на камеру?» – «О'кей, а сколько человек в камере?»

Как говорится, мужчина, который любит женщин, отличается только от мужчины, который любит мужчин. Но это не исключает того, что мужчина, нацеленный на мужчин, не может

взять и полюбить женщину. Равно, как и мужчина, любящий женщин, мужчину. Или какую-то одну его часть. Мастера кунилингуса в школе проявляли способности в изучении иностранных языков. В особенности алгебры и геометрии, а запущеннее темы «женщина и алкоголь» может быть только вопрос, который обозначается до банального кратко – «мужик и член», причем «мужик» имеется в виду вида «зрелый». Хотя возраст, как известно, есть только у телятины.

В одной кампании свела судьба с таким. Возраста в районе пятидесяти, с самой большой гордостью в неумной, по его словам, потенции. «А вон Петровичу семьдесят пять, и он говорит...» – «А вам кто говорить запрещает?»

Хотя, действительно, «труба» его весь вечер буквально разрывалась. Женских имен по его разговорам можно было насчитать штук восемь-десять только, а уж количество входящих звонков вообще подсчету не поддавалось. Долго мы пытали его по поводу сексуального ноу-хау, пока рюмки так после шестой он не раскололся внезапно и сам:

– Дело в том, ребята, что после того, как я попысаю или оставлю удовлетворенной ещё одну Даму, я НИКОГДА не мою руки и не хожу в душ. А то член обидится: чего это я, как помацаю его, так сразу мыться. Подумает ещё, что я им брезгую! Вот он меня и любит. И никогда не подводит.

Причём говорилось всё это на полном серьёзе, как божественное откровение. Ничего не хочу сказать, мужик был хоть и плюгавенький, но компанейский. Распрощались мы с ним душевно. Только руки ему никто не пожал. Не со зла. Просто стремноватенько как-то, что ли...

Или вот другой пассажир лет сорока пяти – сорока восьми. На вид трудяга-работяга. Антураж тот же. Случайная компания, выпивка... Когда влило в себя было уже достаточно, возникла прямая необходимость избавиться от избытков отработки в организме. Знаете, почему девушки не ходят в туалет по одной? С выпившими мужиками примерно та же история. В общем, дёрнул меня чёрт увязаться вслед за ним, ведь из кафешки фудкорта крупного торгового центра дорога одна – в общественный туалет.

Очередное «что-то пошло не так» я, к своему стыду, просёк достаточно поздно, только как следует расположившись перед писсуаром с приспущенными по подобающему поводу штанами. Фраза: «Давай я возьму у тебя в ротик», прозвучавшая под лёгкую музыку туалетного радио из уст моего случайного собутельника ввела меня почти в кататонический ступор, из которого я, к своему удивлению, достаточно быстро нашёлся: «Что, жена в рот не берёт?» – «Да она у меня училка. Даже под одеялом командует: «Выйди и войди как положено!», – скупая мужская слеза уже готова была оросить небритую щеку работника физического труда. «Уже года три так: как выпью, так и клинит. Ничего поделывать с собой не могу». «А пить бросить не думал?» На этом инцидент оказался исчерпан. Пьяный вечер тоже. По крайней мере, для меня. В общем, котиков нужно холить и лелеять. Чтобы у них были и холка, и лелейка. Женщины, с мужиками примерно та же история. И пофиг, что вы худые и Купидону сложно в вас попасть. С нелепаянкой лелейкой мужику цена копейка.

Пить в компаниях с той поры я начал остерегаться, а после того, как сходил на открытый урок немецкого к сыну, перестал бухать и в одиночку. Дорога к алкоголизму – она ведь такая, в один конец, и даже на порнхабе есть раздел про самозанятых.

Поначалу, как говорится, ничего не предвещало. Класс на тридцать-тридцать пять голов, на доске наглядные пособия в виде плакатов с алфавитом, всякими стульчиками-домиками и птичками-зверушками. В общем, в антураже присутствовало все, что детям в их неокрепшие головы вдолбить уже успели и что, по задумке заметно мандражировавшей их наставницы, детки и должны были в силу имевшихся возможностей нам демонстрировать.

Со звонком началось всё прилично: «Гутен Таг, класс» – «Гутен Таг, тунор» А-Бэ-Цэ... Катце-Швайн.... Фантасмагорическое щяйзе началось, когда добрались до «попугая».

До сих пор вспоминаю, как в замедленном воспроизведении – указка касается изображения ни в чем в контексте не виноватой тропической птички, и класс детишек-второклашек хором по слогам начинает скандировать: «ПА-ПА-ГЕЙ!», «ПА-ПА-ГЕЙ!», «ПА-ПА-ГЕЙ!»...

Как составлявшие добрых две трети зрительской аудитории мужики в обморок прямо там штабелем не уложились – сказать не могу. Но сбледили все. Довершением стала торжествующе-улыбающаяся физиономия познавший аналы истории классендаме, в которой по всему угадывалась заскорузлая разведёнка с ребёнком. Жизнь вообще довольно идиотская штука: ты можешь случайно кому-то заделать ребёнка, но никак не в силах ненароком сделать тортик.

Херофобия... И, хотя этот термин ещё не утверждён и формально не относится к психическим расстройствам, мне этот «адский цирк с попугаями» в кошмарах нет-нет да и является. «Если вы испытываете страх перед удовольствием, это может быть из-за того, что в вашем подсознании оно связано с гневом, наказанием, унижением или кражей», – вторит ему официальная наука. И правда, раньше я сплошь представлялся -маном и -голиком, рядом – голиком и -маном. Теперь всех встречных-поперечных в упреждение предупреждаю: «Господа, извините, но я – херофоб». В ответ мне привычно делают квазипонимающие выражения лиц, будто мы – общность, будто это я не о себе им сказал, но себе о них.

Наши люди не обижаются, когда в глаза их называют развездями и пофигистами, а наоборот, воспринимают это, как комплимент. Херофоб сегодня слово того же порядка. В нём есть секрет от загадочной русской души, ведь я искренне сомневаюсь, что сплошь все знают: комплимент с французского переводится, как «то, чего нет». Психологи говорят, «вы заслужили свое счастье, но негативные эмоции отняли у вас эту радость», но хорошая всё-таки фраза: «Я вас услышал». Нечто среднее между «Спасибо» и «Иди на хер», поэтому ответ на вопрос: «Есть ли секс после смерти?» доподлинно знает один лишь человек – мой патолого-анатом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.